

Одинокий голос Александра Сокурова

Моск. новости

ВСТРЕЧА

1997-17-24
авг. - с. 18

Александр Сокуров

Фильм Александра Сокурова «Мать и сын», удостоенный призов на кинофестивалях в Берлине, Сочи и Москве, принимает участие в международном фестивале искусств «Документа Х», который проходит в немецком городке Касселе. С кинорежиссером беседует наш корреспондент Александр Соколов.

— Можно ли в эстетике прошлого века, в которой сделан ваш фильм, увидеть вашу рефлексию на современную российскую ситуацию?

— Никким образом. Обстановка в России по сути ничем не отличается от того, что происходит в Европе, разница, возможно, только в фоне, у нас более диком и менее цивилизованном. Россия во многом потеряла то своеобразие, которым обладала при «ужасном» социализме. Сейчас она развивается по тем же законам, что и Германия, Франция или Англия. Она быстро наверстает и, думаю, уже наверстывает упущенное. По крайней мере, в перерождении общества и в придании деньгам доминирующей роли во всех аспектах жизни Россия давно вернулась к 1914 году. Поэтому никаких рефлексий быть не может. В моей картине есть то, чем каждый из нас живет изо дня в день: боязнь одиночества, страх потерять близких, общий язык с ними — самые простые вещи. Во всех своих работах я пытаюсь следовать классической традиции, которая невозможна без постановки проблемы жизни и смерти. Это норма классического искусства, которая с таким трудом приживается в современном обществе с его потребностью в искусственно утрированном оптимизме, порождаемом деньгами. Деньгам не нужна философия, не нужны грусть и элегия. Им необходима совсем иная, динамичная среда.

— В рамках программы «Документы» «Сто дней — сто гостей» вы прочитали несколько лекций. Какие темы вы затронули?

— В первую очередь я коснулся роли академического искусства в развитии современной культуры. Я имею в виду традиционное классическое

искусство в его глубоких и мотивированных проявлениях, атмосферу, основанную на приоритете школы, образования, высокого профессионализма.

— Но во второй половине XX века классическое искусство зачастую ассоциируется с тоталитарными системами.

— Это очень большая проблема. По-моему, самые важные открытия были сделаны художниками в условиях тоталитаризма, а не демократии. Демократическому государству и демократическому обществу высокое искусство не нужно. Я жил при тоталитаризме, видел все изнутри и снаружи, сам подвергался преследованиям. Наблюдая практику России, которую называют «новой», жизнь близких мне коллег на Западе, я прихожу к выводу, что для существования искусства необходимо особое напряжение в обществе. Также говорил о разрушительном влиянии современных изобразительных средств на сознание и нравственный облик человека, включая воздействие телевидения и кино.

— В каком смысле оно разрушительно?

— А вот об этом надо подумать, логически доказать, исходя из природы самого кинематографа, традиций и генетики кино, от которого пошли телевидение и все эти акселеративные и большие дети, всякого рода компьютерные выкидыши.

Мое пристрастие к русским художникам XIX века продиктовано сердечной благодарностью им за то, что они писали человеческий портрет. Современные художники в России вызывают у меня оторопь: человеческих портретов они не пишут, тем самым искусство предают и продают и занимаются в конечном итоге ерундой.